

В русистике долгое время существовал термин «западнорусский язык». В 1925 г. акад. А.И. Соболевский, возглавив «Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку», предлагал в качестве одного из направлений формирующейся картотеки (сейчас – Картотека ДРС) собирать материалы для составления словаря западнорусского языка – языка Польско-Литовской Руси по источникам XV–XVII вв. Материалы из подобных источников использовались в различных исследованиях по истории белорусского, украинского и польского языков (см. работы И.И. Лапю, А.И. Соболевского, Е.Ф. Карского, И.И. Огиенко, А.И. Журавского, И. Франко, В. Витковского и др.), но понятие о западнорусском языке оставалось неопределенным. В рецензируемой книге В. Мякишева рассматриваются разнообразные определения этого понятия (с. 9–40). Автор же останавливается на термине «русская мова», помещаемом в кавычках, который наиболее удачно характеризует язык исследованного им памятника Литовского статута 1588 г. «Из всех многочисленных определений “западнорусского языка” предпочтение было отдано названиям, рожденным в его же недрах: “русская мова” (РМ) и “простая мова” (ПМ)», – пишет автор (с. 34). Отмечая тот факт, что оба эти понятия употреблялись недифференцированно, В. Мякишев далее утверждает, что это не были два самостоятельных языка: «При всех своих различиях “мовы” остаются в отношениях неразделимого единства, поскольку представляют одну языковую систему,

базирующуюся на общей восточнославянской (белорусско-украинской) основе и несущую отчетливые приметы польскоязычного воздействия... ПМ в своем возникновении и развитии опирается на практику РМ, усваивает необходимые для себя ее “достижения”, чтобы в совокупности составить единый язык тогдашней интеллигенции восточных земель Речи Посполитой» (с. 39). Термин «русская мова» возник в недрах этого языка: «...Первые фиксации РМ (в варианте русский язык) применительно к канцелярскому языку княжества следует искать в письменных текстах 60-х гг. XVI в., во всяком случае раньше это понятие ни в грамотах, ни в актах, ни в законодательных постановлениях обнаружить не удалось. Утверждению и распространению нового определения могло способствовать его упоминание в документе государственной важности. Таким оказался Статут 1566 г.» (с. 36). В исследовании языка Литовского статута, напечатанного в 1588 г., с полной обоснованностью исследователь применяет термин «русская мова», который помогает выявить специфику канцелярской речи того времени.

Перед нами предстает книжный язык Великого княжества Литовского, отраженный в драгоценном с юридической, административной и интеллектуальной точки зрения памятнике XVI века. Язык Статута 1588 г., над которым трудились замечательный стилист подканцлер Лев Сапега и канцлер Остафий Волович, вобрал в себя новые и старые формы, свою и иноязычную лексику, отразив многовекторное

влияние как литературного языка, так и диалектов. Эта ступень состояния западнорусского языка (по терминологии автора, «русская мова»), включившая в свой состав русские, украинские, белорусские и польские элементы, оказала существенное влияние на развитие украинского и белорусского литературных языков. Автор называет Литовский Статут 1588 г. вершиной («лебединой песней») юридического языка Великого княжества Литовского: «Разойдясь в нескольких тысячах экземпляров, кодекс не просто отражал образцовую модель канцелярского языка, но “задавал тон” всей системе тогдашнего письма – к сожалению, как оказалось, совсем недолго» (с. 41).

В своем исследовании В. Мякишев опирается на многочисленные работы русских, польских, белорусских и украинских лингвистов, литературоведов, историков, юристов, философов, которые в своих трудах касались Литовского статута 1588 г., что значительно расширяет и пополняет знания современников как о языке Великого княжества Литовского XVI в., так и о самом государстве. В работе представлена обширная библиография по изучению такого значительного историко-культурного явления, каким предстает перед исследователем текст Литовского статута 1588 года.

Книга состоит из двух частей: в первой проводится подробное исследование графики («печатных литер» – с. 65–110), фонетики (с. 111–186), морфологии: таких категорий языка памятника, как существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глаголы, наречия (с. 187–346), причем анализу подвергается **весь** без исключения текст памятника, а не отдельные примеры. Такого полного исследования языка Литовского статута 1588 г. не было до этой работы. В. Мякишев приводит **при каждом слове** статистические данные, которые убедительно демонстрируют превалирование тех или иных грамматических форм, различных лексических вариантов в языке Литовского статута, наглядно подтверждают выводы автора относительно преобладающих тенденций в развитии самых разнообразных языковых явлений.

Во второй части книги приведен полный указатель слов (свыше 130 тысяч) и словоформ Литовского статута с переводом на русский язык и указанием грамматической формы (с. 375–711). Каждая форма сопровождается сведениями о том, в какой главе и какой статье кодекса встречается слово. Характерные черты этой части книги описываются автором так: «...К каждому заглавному слову приводится значение; дифференцируются лексические омонимы; многозначные лексемы предстают как комплексы, состоящие из отдельных словарных подстатей; учитываются возможности функционирования слова в рамках устойчивых конструкций (если значение целого не складывается из значений составных частей). Эта ориентация не только на формальные, но и на функциональные характеристики словоформ приводит к несколько иному – по сравнению с общепринятым в словоуказателях – делению материала: более дробному по отношению к многозначной лексике и, напротив, “связывающему” рамками одной словарной статьи формально самостоятельные компоненты устойчивого словосочетания» (с. 367–368). Как видим, эта часть книги является своеобразным соединением указателя слов и форм со словарем к памятнику, что служит важным подспорьем при чтении исследовательской части книги В. Мякишева, а также при понимании примеров Литовского статута 1588 г., приводимых автором в качестве иллюстраций для подтверждения его положений и выводов.

Таким образом, в составе одной книги по существу оказались две самостоятельные работы: автор не только исчерпывающим образом исследовал язык памятника, но и создал словарь Литовского статута, весьма ценный для русского читателя. Книга дает материал для будущих исследований по лексике западнорусского языка и может лечь в основу того словаря, о создании которого в начале XX в. заботился А.И. Соболевский.

Л.Ю. Астахина